

СООБЩЕНИЯ

С.И. Садовников

О «ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСКИМ ГРОБАМ»: ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ НЕКРОПОЛИСТИКИ

Занимаясь много лет проблемами некрополистики Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и установления имен и судеб ее павших воинов, мы не могли не обратиться к российскому опыту Отечественной войны 1812 г. Вопрос отношения к «отеческим гробам» – один из основополагающих для любого народа и отдельной личности, тем более что нам оставлены для изучения и сравнения бесценные результаты исследований крупных ученых.

Спустя два десятилетия после завершения Великой Отечественной войны и полтора века после изгнания Наполеона с российских просторов, выдающийся советский архитектор-реставратор академик Николай Иванович Иванов (1923–2006), приступая к реставрационным работам на Бородинском поле, принялся искать братские захоронения 1812 г. Он обратился в Центральный совет ВООПИК с недоуменным вопросом по поводу отсутствия таковых, на что получил от его председателя «исчерпывающий» ответ: «Бородино – это не кладбище, а Поле Славы». Чиновнику, очевидно, была чужда «любовь к отеческим гробам». И академик прокомментировал: «Автор ответа, очевидно, забыл, что воинская слава без павших героев не бывает, а Бородинское поле есть грандиозное кладбище, где погребены многие дивизии и корпуса, разбившихся друг об друга враждующих армий»¹.

Н.И. Иванов занимался Бородинским полем, посвятив 45 лет научного напряженного труда исследованию и сохранению этого памятного места русской истории. Ученый обладал уникальными знаниями о природном рельефе поля, о его топографии и топонимике. Он справедливо считал восстановление полевых укреплений одним из главнейших дел по созданию мемориала. И в области исторической полевой фортификации времен Бородинского сражения не было другого, равного ему специалиста².

Вникая в подробности Бородинской битвы, Н.И. Иванов отмечал, что необходимость захоронений погибших здесь во время боя людей и лошадей возникла уже в ходе сражения, а особенно после него, так как оставление разлагающихся останков на поверхности грозило вспышкой эпидемий. «Природная человеческая леность, не позволяющая делать лиш-

ную работу, подсказывала хоронить вначале в имеющихся готовых ямах и рвах. А потому останками погибших людей и лошадей (соответственно 40 и 36 тысяч трупов в пределах Бородинского поля) заполняли ближайшие овинные ямы, погребца и колодцы сгоревших деревень и усадеб, а также кюветы благоустроенных грунтовых дорог, водомоины, рвы артиллерийских и пехотных укреплений, «волчьи ямы». Так, через полтора года местные жители рассказывали, что после Бородинского сражения в деревне Шевардино все овинные ямы были наполнены трупами. Ямы тогда же засыпали, а теперь часто при постройках находят массу костей»³.

Проведенными в 1960–1980-х гг. на Бородинском поле археологическими исследованиями были установлены технологические особенности погребальных работ. Они подробно описаны Н.И. Ивановым: «Только при заполнении ближайших готовых ям или при их отсутствии вблизи большого скопления трупов, а также в лесах, приступали к трудоемкой работе – отрыванию специальных котлованов разной формы, глубины и размеров для захоронения останков – без различия своих от неприятелей и людей от лошадей. Обращает на себя внимание рачительный, крестьянский подход: места для таких братских могил выбирались разумно, по-хозяйски, чтоб не портить пашню, луга, хороший лес, дороги, не развивать овраги. Поэтому могилы закладывали по границам этих угодий, т.е. на опушках леса или его внутренних полян, при переходах луга в болото, по окраинам огородов, пашен и т.п.»⁴.

В археологии известны два способа погребений: труположение и трупосожжение. Раскопки на Бородинском поле позволили установить, что здесь были использованы оба этих метода. В подтверждение этого академик приводит следующий факт. Когда летом 1966 г. силами военнослужащих из ближайшей воинской части были произведены закладки шурфов на одном из предполагаемых воинских захоронений 1812 г., «было заложено два шурфа: один в центре, другой близ западного угла могилы. В центральном шурфе углубились на 0,7 метра во влажную глубину, и вдруг солдат обеспокоено выскочил из-за неприятного запаха, внезапно появившегося в шурфе. Вскоре запах улетучился, раскопки были продолжены, и появился 10-сантиметровый слой золы, древесного угля, крошево обгорелых костей и кристалликов медного купороса. Глубже пошел слой глины толщиной около 15 см, а затем опять горелый слой, аналогичный верхнему слою. Вновь – кратковременный неприятный запах, вновь выпрыгивание из шурфа солдата, производящего эту работу. Так было пройдено четыре горелых слоя, разделенных глиняной засыпкой. Возможно, в этой могиле подобные слои шли глубже. Место это было болотистое, и грунтовая вода залила шурф, что прекратило дальнейшее продвижение шурфа в глубину... Главное было достигнуто. Сплошного раскопа не требовалось делать, чтоб не тревожить напрасно останки погребенных здесь в 1812 году, вероятно в ноябре, когда еще можно было выкопать котлован,

производить в нем на дровах сожжение останков (тел), присыпать кострище землей, вновь накладывать дрова, натаскивать на них останки людей и лошадей, все это опять прожигать и повторять это в одном этом месте не менее четырех раз... Трапезиевидная форма могилы в плане указывала на наличие с длинной южной стороны аппарели, или пандуса, т.е. наклонной плоскости, позволяющей затаскивать [дрова] на дно котлована и размещать сверху останки, принесенные из ближайшего окружения могилы. Затем производилось сожжение дров с останками, сбрасывание грунта после сожжения, что могло производиться только после остывания углей»⁵.

Здесь же приведены примерные расчеты, которые характеризуют «производительность» выполняемых работ: «Очевидно, могила заполнялась таким способом много дней, т.к. процесс сожжения требовал значительного времени для исполнения всего цикла работ. На каждом в отдельности горизонте сожжения при площади могилы в 170 кв. м и однослойной укладке останков поверх дров, при площади на одного человека около 1 кв. м здесь могли за один прием сжигать до 170 человек, а в четыре или более приемов (слоев) – останки не менее 680–800 человек или около 350-ти лошадей»⁶.

На следующем этапе место захоронений засыпали землей, создавали над могилой холм, в который ставились простейшие деревянные кресты. Такие кресты могли простоять не более 15–20-ти лет, после чего они, к сожалению, уже не возобновлялись. Как полагает Н.И. Иванов, отпевание погребаемых воинов вряд ли удавалось проводить повсеместно: из-за обилия одновременно производимых захоронений в течение всей зимы 1812/13 гг.

Места таких захоронений также не фиксировались. Во всяком случае, кроме плана съемки 1912 г., осуществленной Кожевниковым и Гришкевичем к 100-летию юбилею Бородинского сражения, никаких графических документов на эту тему в архивах обнаружено не было. Как правило, через несколько лет останки гнивали, уменьшаясь в объеме. Первоначальный высокий холм над могилой проваливался почти до уровня грунта, окружающего могилу. Оставался лишь по периметру могилы небольшой вал, образовавшийся от насыпи, рассыпавшейся за пределы котлована могилы. Но и он уничтожался постепенно тальми водами, запашкой, скотопрогоном, корнями деревьев. За могилами никто не ухаживал. Места погребений забывались в памяти поколений или обрастали различными легендами, о чем свидетельствует тот факт, что древние курганные погребения более чем тысячелетней давности уже стали называться «могилами французов». По всем этим причинам найти братские могилы времен нашествия Наполеона трудно, и «открываются они, большей частью, стихийно, при каких-либо земляных работах, но и тогда прах героев, сложивших здесь головы за Отечество, остается без должного внимания и должного уважения, и сама подобная находка пропадает для науки», – с горечью заключает Н.И. Иванов⁷.

Отвлекаясь от могил павших героев Бородино, которые не пощадило время, следует сказать и о том, как память об Отечественной войне 1812 г. берегалась в разных регионах России. Обратимся к изданию «Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Александровича»⁸. В первом отделе тома напечатаны документы Военно-ученого архива. Происхождение большей части этих документов имеет следующую историю, изложенную П.И. Хованским, краеведом-поисковиком, членом Могилевского областного совета Общества охраны памятников истории и культуры.

В 1836 г. историограф А.Н. Михайловский-Данилевский, получив от императора Николая I повеление написать историю войны 1812 г., обратился ко всем губернаторам с циркулярным предложением собрать сохранившиеся в их губерниях сведения о войне 1812 г. Для сбора этих сведений была приложена особая программа из 10-ти вопросных пунктов, причем предлагалось обратить особое внимание на показания оставшихся в живых очевидцев событий 1812 г. Губернаторы, получив такое предложение, в свою очередь, разослали запросы предводителям дворянства и приказания уездным исправникам, чтобы получить от них просимые сведения: отыскать оставшихся свидетелей, сделать извлечения из старых дел, хранящихся в архивах. К наиболее заслуженным очевидцам 1812 г. губернаторы обращались с личными просьбами. К сожалению, в большинстве случаев, вместо точных, строгих статистических данных, были получены отрицательные ответы. Например, Могилевская духовная консистория писала: «Сколько сожжено или зарыто в землю человеческих тел и скотских трупов – никому не известно». Собранный уездными предводителями дворянства и исправниками материал иногда дополнялся извлечениями из губернаторских архивов и в таком, до известной степени обработанном, виде отсылался к историку Отечественной войны⁹.

Переходя к рассказу об индивидуальных захоронениях на Бородинском поле, отметим: получила распространение практика перезахоронения, то есть переноса останков участников битвы из разных мест (из России и Европы) на само Бородинское поле. Это стало возможным во многом благодаря тому, что к 25-тилетней годовщине битвы, в 1837 г., Николай I выкупил значительную часть поля Бородинского сражения «с целью сохранения для потомства хотя бы этой части исторической территории от разрушительных частновладельческих действий. Император практически уже тогда положил начало созданию заповедника и музея Бородинской битвы»¹⁰.

Однако много раньше, в конце 1812 г., М.И. Кутузов в одном из писем, адресованном помещице села Тарутино А.Н. Нарышкиной, писал о сохранении в неприкосновенности Тарутинских укреплений: «...Село Тарутино, Вам принадлежащее, озаменовано было славною победою русского войска над неприятельским. Отныне имя его должно сиять в наших

летописях наряду с Полтавою, и река Нара будет для нас так же знаменита, как и Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамай. Покорнейше прошу Вас, милостивая государыня, чтоб укрепления, сделанные близ села Тарутина, укрепления, которые устрашили полки неприятельские и были твердою преградою, близ коей остановился быстрый поток разорителей, грозивший наводнить всю Россию, – чтоб сии укрепления остались неприкосновенными. Пускай время, а не рука человеческая их уничтожит; пускай земледелец, обрабатывая вокруг их мирное свое поле, не трогает их своим плугом; пускай и в позднее время будут они для россиян священными памятниками их мужества; пускай наши потомки, смотря на них, будут воспляменяться огнем соревнования и с восхищением говорить: вот место, на котором гордость хищников пала пред неустрашимостию сынов Отечества!... Сосед Ваш, князь Волконский, вызывается поставить памятник русским воинам на земле принадлежащего ему селения Леташевки, но Вы не имеете нужды воздвигать памятников. Тарутинские укрепления, грозно возвышающиеся между спокойными Вашими нивами, будут сами по себе неизгладимыми следами русского мужества и русской славы¹¹. Это ли не пример потомкам для подражания?

В преддверии 25-летнего юбилея знаменитого сражения состоялась закладка Главного монумента Поля – на батарее Раевского. Ко времени его торжественного освящения в 1839 г. было принято решение перевезти и захоронить рядом с Главным монументом останки князя П.И. Багратиона, который умер через 17 дней после ранения и был похоронен на кладбище села Симы близ Юрьева-Польского Владимирской губернии, что и было исполнено. Хорошо сохранившийся дубовый гроб с останками Багратиона извлекли из могилы в Симах, запаяли в свинцовый гроб, который поместили внутрь еще одного, тоже дубового, парадного гроба. После торжественной церемонии погребения на склеп героя положили надгробную бронзовую плиту, отлитую из трофейных орудий.

Изучение отечественной истории подчас требует немало гражданского мужества, ибо невозможно было представить, какая трагическая судьба постигнет это захоронение. Горьким подтверждением служат факты, изложенные академиком Н.И. Ивановым. Ученый отмечал, что прах П.И. Багратиона пролежал в склепе спокойно 93 года. Но в марте 1932 г., по распоряжению советских властей, ради «добычи чугуна» был взорван Главный монумент Бородинского поля. Могила Багратиона, расположенная восточным выступом от монумента, тоже пострадала. Более того, героя Отечественной войны объявили тогда «царским сатрапом», и могила его была разрушена и разграблена, а останки героя выкинуты¹².

Дополнительно проливает свет на подобные факты государственного вандализма документ тех лет, сохранившийся в Госархиве Владимирской области: «...Данное облфинотделом на 1932-й год контрольное задание на сбор 200 тонн черного металла должно быть выполнено. Создать

комиссию для осмотра железных и чугунных решеток на месте – с целью выявления, какие из них могут быть сняты как памятники чуждого элемента...»¹³ А в 1935 г., как выявила В.И. Титова¹⁴, удовлетворяя ходатайство дорожного отдела, Владимирский горсовет постановил: «Разрешить дорожному отделу производить разборку незарегистрированных памятников, находящихся на городском кладбище. За изъятые памятники обязать дорожный отдел уплатить в государственный фонд по стоимости цен булыжного камня, указанных в ценнике на камень»¹⁵. Так историческая память была приравнена к стоимости булыжного камня.

Возвратимся к могиле Багратиона. Еще через полвека, в 1985–1987 гг., уничтоженный Главный монумент на батарее Раевского был восстановлен реставраторами под руководством Н.И. Иванова, как и склеп, и надгробная плита с оградой над могилой П.И. Багратиона. Археологическим путем среди мусора в склепе были обнаружены фрагменты костей Багратиона в количестве 65 единиц. Их поместили в особый ларец, и теперь они покоятся в склепе на месте прежнего гроба Багратиона. Обнаруженные при этих работах мундирные пуговицы и части ткани мундира, детали от трех описанных выше гробов хранятся как особо ценные реликвии в фондах Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника¹⁶.

В тех редчайших случаях, когда при обнаружении останков воинов присутствовали археологи, фонды Бородинского музея пополнялись уникальными вещественными материалами. Наука делала шаг вперед в осмыслении хода Бородинского сражения. А останки воинов, будь они российскими или неприятельскими, получали должную память, сохранность и уважение в перезахоронениях в благоустроенные погребения, доступные поклонению всем посетителям Поля.

С 1972 г., с началом на Бородинском поле систематических, профессионально организованных археологических раскопок, проводимых одновременно с восстановлением в соответствующих местах русских укреплений, стала возникать необходимость в образовании новых воинских захоронений. Эти работы пополняли фонды музея уникальными находками, но человеческие останки накапливались. Они нуждались как во внимательном изучении, так и в последующем погребении. В общей сложности с 1973 по 1984 гг. археологом Е.И. Моревым с сотрудниками было найдено более 400 останков воинов обеих враждующих армий, погибших в день сражения 26 августа (7 сентября) 1812 г. Изначально предполагалось найденные при археологических и реставрационных работах останки хоронить на тех же укреплениях, где они погибли (каждый год по мере их пополнения). Но, по предложению музея, было решено создать особое новое кладбище для перезахоронения воинов 1812 г., расположив его вблизи Спасо-Бородинского монастыря.

Захоронение всех обнаруженных останков воинов было произведено военными Кантемировской дивизии 28 октября 1984 г. после

окончания ими реставрации средней флешки Багратиона. Заметим, что еще относительно недавно, но совсем в другую «историческую эпоху», в 1964 г., на северной стене монастыря «красовалась» надпись метровыми буквами: «Довольно хранить наследие рабского прошлого!», а на пожелание Музея произвести перезахоронение торжественно, по воинскому ритуалу, Министерство обороны СССР ответило: «Советская армия не отдает воинских почестей царским офицерам»¹⁷. А сегодня, заметим, некоторые деятели аналогичным образом готовы перечеркнуть уже и героику советского прошлого.

О таких исторических параллелях размышляла Елена Ржевская, участница Великой Отечественной войны, военный переводчик и писатель, почетный гражданин г. Ржева, посетившая Калинин через 17 мирных лет: «Приехав в Калинин, я отправилась в краеведческий музей. Здесь была временная экспозиция «Отечественная война 1812 года» – в тот год нас от нее отделяло сто пятьдесят лет. По соседству кривичи и другие племена представлены в вещественной памяти своего пребывания на земле. О второй Отечественной войне ничего не было. Только стенд «Герои Советского Союза – наши земляки». Список имен и фотопортреты... Я почувствовала, как чугунная плита наваливается, погребая память о том, что составляет историю и душу народной жизни... Когда к какому-то «летию» будут делать экспозицию «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», память о ней угаснет, материальные предметы занесет землей и будет все так же тускло, официально и безбытно, как представленная сейчас здесь экспозиция к 150-тилетней годовщине. В смутной дали времен будет ли какой археолог так же трудолюбив и удачлив, как тот, кто раскопал орудия труда, утварь, украшения кривичей, оставивших в земле здесь след десятивековой давности, и извлечет ли он из земли наши изделия из нестойкого материала военного времени – экспонаты материальной культуры Второй мировой войны, самой чудовищной из всех, что были, и все же не безбытной?... В большом музее в столице области, чьим именем был назван целый фронт – Калининский, – ни единый экспонат не напоминал о недавней войне»¹⁸.

Примечания

¹ *Иванов Н.И.* Братские могилы и другие воинские захоронения 1812 года на Бородинском поле // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2007. С. 124.

Ivanov N.I. Bratskie mogily i drugie voinskie zakhoroneniya 1812 goda na Borodinskom pole // Epokha napoleonovskikh voyn: lyudi, sobytiya, idei. Moscow, 2007. P. 124.

² *Грюнберг П.Н.* [Вступительная статья к: *Иванов Н.И.* Братские могилы и другие воинские захоронения 1812 года на Бородинском поле]. С. 120–122.

Grunberg P.N. [Introductory article to: *Ivanov N.I.* Bratskie mogily i drugie voinskie zakhoroneniya 1812 goda na Borodinskom pole]. P. 120–122.

- ³ *Иванов Н.И.* Указ. соч. С. 138–139.
Ivanov N.I. Op. cit. P. 138–139.
- ⁴ Там же. С. 138.
Ibidem. P. 138.
- ⁵ Там же. С. 126–127.
Ibidem. P. 126–127.
- ⁶ Там же. С. 127.
Ibidem. P. 127.
- ⁷ Там же. С. 138–139.
Ibidem. P. 138 – 139.
- ⁸ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года... Т. 3. Белоруссия в 1812 году. СПб., 1912.
Akty, dokumenty i materialy dlya politicheskoy i bytovoy istorii 1812 goda... T. 3. Belorussiya v 1812 godu. St. Petersburg, 1912.
- ⁹ *Хованский П.И.* Сгоревшие в пламени 1812 года // Могилевский поисковый вестник. Вып. 4. Могилев, 2008. С. 24–25.
Hovansky P.I. Sgorevshie v plameni 1812 goda // *Mogilevsky poiskovy vestnik.* Vol. 4. Mogilev, 2008. P. 24–25.
- ¹⁰ *Иванов Н.И.* Указ. соч. С. 130.
Ivanov N.I. Op. cit. P. 130.
- ¹¹ *Кутузов М.И.* Письма, записки. М., 1989. С. 499–450.
Kutuzov M.I. Pisma, zapiski. Moscow, 1989. P. 499–450.
- ¹² *Иванов Н.И.* Указ. соч. С. 130.
Ivanov N.I. Op. cit. P. 130.
- ¹³ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 703. Л. 27.
State Archive of Vladimir oblast (GAVO). F. 19. Op. 1. D. 703. L. 27.
- ¹⁴ *Титова В.И.* Из истории Князь-Владимирского кладбища // Владимирский некрополь. Вып. 2. Воинские захоронения. Владимир, 1999. С. 17.
Titova V.I. Iz istorii Knyaz-Vladimirskogo kladbishcha // *Vladimirsky nekropol.* Vol. 2. Voinskie zakhoroneniya. Vladimir, 1999. P. 17.
- ¹⁵ ГАВО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 861. Л. 40об.
GAVO. F. 19. Op. 1. D. 861. L. 40v.
- ¹⁶ *Иванов Н.И.* Указ. соч. С. 130–131.
Ivanov N.I. Op. cit. P. 130–131.
- ¹⁷ Там же. С. 133.
Ibidem. P. 133.
- ¹⁸ *Ржевская Е.М.* Ворошенный жар // Новый мир. 1984. № 5. С. 25–26.
Rzhevskaya E.M. Voroshyony zhar // *Novy mir.* 1984. No. 5. P. 25–26.